

Г. П. Климова
(г. Елец)

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
И. А. БУНИНА И И. С. ШМЕЛЕВА
В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ
XX ВЕКА

*«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5,5).
«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насы-
тятся» (Мф. 5, 6).*

Русская культура формировалась под влиянием как языческих, так и христианских компонентов. Творчество каждого писателя несет в себе те же сложные, противоречивые черты. После 1917 года из советской науки была изгнана любая возможность православного подхода к анализу литературы. В то же время за рубежом велись серьезные религиозно-философские искания, в которых, однако, был свой уклон, не всегда объективный. Сегодня положение изменилось. В последние годы до нас дошли труды С. Булгакова, И. Ильина, А. Карташова, Н. Лосского и других, что позволило по-другому рассмотреть многие произведения. Поэтому и становится необходимым анализ жизни и творчества писателей с новых позиций.

Русское историко-культурное наследие опирается на православие в большей мере, чем на что-либо другое. Отечественные писатели в своем стремлении найти и показать истину могли совершать ошибки, но путь их был искренним и чистым. Творчество И. А. Бунина и И. С. Шмелева приходило и приходит к нам постепенно. Поэтому есть ограничения в объективной оценке, что и приводит к выбору определенных особенностей судеб этих писателей, которые, с одной стороны, доступны, с другой стороны, обусловили формирование их творческих методов.

Прежде всего, к ним относятся те биографические детали, которые вошли во многие бунинские и шмелевские произведения. Разница и сходство жизни И. А. Бунина и И. С. Шмелева обусловили их творческое своеобразие. Хорошо известно, что род Буниных был внесен в шестую книгу дворянства. Однако и Шмелевы были людьми знаменитыми, борцами за веру, один из которых прославился еще при царевне Софье. Гордость за своих предков была общей чертой у обоих писателей. Но детство их было совершенно разным. Оно во многом определило мировоззрение, творческие методы, тематику и героев произве-

дений Бунина и Шмелева. В свете религиозно-философских исканий XX века попытаемся определить значение ранних лет жизни и их влияние на судьбу писателей.

Россия конца XIX века внешне была страной религиозной. Однако внутри нее шли сложные процессы «поиска» новой веры. Еще оставались (и остаются) противоречия между староверами и православными; многие интеллигенты вошли в религиозно-философское общество (Санкт-Петербург); были увлечены учением В. Соловьева (Москва).

В семьях тоже было много противоречий. Бунины были православными, соблюдали обряды, посещали церковь. Для них была характерна «простая и непытливая вера». Особенно много молилась мать — Людмила Александровна Бунина (краеведческие материалы и мемуары). Ее молитвами и был во многом определен путь будущего писателя. Все эти впечатления отразились в творчестве и завершились в романе «Жизнь Арсеньева» проникновенными словами: «В далекой родной земле, одинокая, навеки всеми забытая, да покоится она в мире, и да будет вовеки благословенно ее бесценное имя. Ужели та, чей безглазый череп, чьи серые кости лежат где-то там, в кладбищенской роще захолустного русского города, на дне уже безымянной могилы, ужели это она, которая некогда качала меня на руках?» «Пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших»^{*1}. Говоря о промысле Божиим, Бунин выражает одну из сокровенных своих идей, проходящих через все его творчество и связанных с Божьим намерением («Бернар») о каждом человеке [7, С. 347]^{*7}. Она есть дар Бога человеку. У женщины — это прежде всего материнство, у писателя — творчество, у каждого — поиск и исполнение Божьего дара. Материнские слезы, грусть, посты, молитвы, ее жажда отрешения от жизни находились в некотором противоречии с характером отца, веселого, беззаботного, пьющего. Но в произведениях Бунина, восходящих к нему, нет осуждения, что соответствует евангельскому закону о неосуждении ближнего. Христианская атмосфера Буниных проявлялась в любви, свободе.

Семья Шмелевых была иной. В ней благодарным сыном главная роль отводилась глубоко верующему отцу. При этом в своем творчестве писатель создает образ Сергея Ивановича особыми приемами: через изображение православного годового круга, богомолья, через отношения к нему других героев (особенно Горкина). При этом связь с реальностью глубоко переосмыслена. Но обрядовая сторона веры в шмелевской семье была глубже и серьезнее, благодаря этому сохране-

ны для нас удивительные особенности русской дореволюционной жизни. Реальная жизнь Шмелевых, несомненно, послужила основой его произведений, но спустя годы писатель многое изменил. В. Н. Муромцева — Бунина свидетельствует 21.02.1929 года: «Шмелев рассказывал, как его пороли, веник превращался в мелкие кусочки. О матери он писать не может, а об отце бесконечно [...]»^{*2}. Вторая часть высказывания сохранилась до последних дней Ивана Сергеевича, запечатлелась в его завещании: «перевести его прах и жены в Москву, для упокоения рядом с могилой отца его в Донском монастыре...»^{*3}. Жизнь оказалась благосклонной к последней воле «самого русского писателя», и в мае 2000 года она была исполнена. Шмелевы нашли свое упокоение в Донском монастыре. Но и о матери своей в «Лете Господнем» писатель не скажет ни одного худого слова, уделив ей, конечно, несравнимо меньше места, но называя «матушкой».

Внешне сходные и различные другие обстоятельства жизни, о которых не позволяют говорить размеры работы, привели к столь же похожим и противоположным результатам в творчестве. Не вдаваясь в оценку внешних отзывов друг о друге, критических высказываний ученых и богословов, обратимся лишь к мнению И. А. Ильина, одного из выдающихся русских религиозных философов. В 1945 году он так определил значение творчества Бунина и Шмелева: «И. А. Бунин есть замечательный мастер — натуралист первобытного и духовного человеческого инстинкта. ...А то, что он называет «богом», есть начало страшное, темное и стихийное. Символ его творчества есть страстный и скорбный демон, жаждущий наслаждения и не знающий путей к Богу»^{*4}.

Гораздо более милостив философ к Шмелеву: «Шмелев познал тьму и назвал ее по имени, запоминая ее. И через мрак он по-новому увидел свет и стал искать путей к нему, добываясь той мудрости, которая осмысливает земной путь человека как «путь небесный». Так открылось ему и его читателю, что обличающая любовь больше жалости, что добрая воля сильнее желаний и страстей, что скорбь выше муки и что дух больше души. В человеке есть силы, преодолевающие и страсть, и страх, и злобу, ибо любовь больше страха и сильнее тьмы. И символом его творчества стал человек, восходящий через чистилище скорби к молитвенному просветлению»^{*5}.

И. А. Ильин — выдающийся философ, однако, увлеченный собственной идеей, он противоречит сам себе. Не имея возможности дать анализ всего раздела книги, посвященной И. А. Бунину, ограничимся

исследованием вступительной ее части. Здесь дается абсолютно верное высказывание: «Кто хочет читать и разумеет Бунина, тот должен почуять эту атмосферу русской усадьбы...»^{*6} Но в качестве примеров помещичьей усадьбы, выдвигавшей «то свободного ученого (Б. Н. Чичерин), то всеотвергающего художника (граф Л. Н. Толстой), то кочующего западника (И. С. Тургенев)»^{*7}, автор завершает этот список российским академиком И. А. Буниным, который, однако, принадлежал к совершенно иному кругу русского дворянства — мелкопоместному. Оно мало изучено и является до сего времени загадкой. Но осмысление его судьбы должно быть предметом особого исследования. Ильин вслед за этой ошибкой совершает другую, считая, что крестьянская стихия «заставила его (Бунина — Г. К.) принять в свою душу и кое-что (выделено мной — Г. К.) из тех откровенных залежей мудрости и доброты, свободы и богосозерцания, которые образуют самую субстанцию русского народного духа»^{*8} Русский народный дух в лучших людях проявляется с необычайной полнотой, и Бунин это отметил (Сергий Радонежский), но русский национальный характер более сложен и противоречив (Емелька Пугачев).

Жизнь и творчество И. С. Шмелева стали для И. А. Ильина неразрывно связанными с историей России, которая «есть история ее страданий и скорби, история ее нечеловеческих напряжений и одинокой борьбы»^{*9} Однако философ связывает русский дух только с Москвой, где он «начал гнездиться и роиться и накапливать свои богатства — и негнущиеся, и исчезновенные — с девятого-десятого века, — и в этом стародавнем колодце русскости, и притом великорусскости, в этом великом национальном «городище», где сосредотачивались наши коренные силы, где тысячу лет бродило и отстаивалось вино нашего духа...»^{*10} Страстное желание Ильина и Шмелева утвердить лишь одну ипостась русского характера — лучшую — понятно, но это не соответствует правде жизни. Конечно, ищущие правды должны обрести ее в Боге, но путь каждого человека к Нему сложнее прямой линии. Шмелеву удалось открыть «потомственные намоленные в душе религиозные сокровища духа»^{*11} Человек и писатель, нашедшие свои «пути небесные» на земле, исполнили долг перед Богом. Бесконечно прав А. Карташев: «как бы там ни судили академики от литературы о писательском наследстве Шмелева, это их право и компетенция, но есть и не избудет около Шмелева еще другой, массовый читательский суд»^{*12} В наши дни многие произведения Шмелева возвратились на родину и дошли до соотечественников. Сохранение Святой Руси бесценно.

В творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелева есть образы, которые близки друг другу вне зависимости от социального положения и места жительства. Их объединяет тот русский дух, которым так дорожил И. А. Ильин. Кроткие герои «Худой травы» (Аверкий), «Веселого двора» (Анисья), «Святителя», «Лаптей» (Нефед), «Ловчего», «Марьи», «Суходола» (Наталья), «Жизни Арсеньева» (мать), «Бернара» столь же значительны в бунинском художественном мире, сколько и шмелевские герои: Анастасия Ляпунова, Илья Шаронов, отец, Горкин, Мартын, Домна Панферовна, Антипушка, Василь Василич, Даринька и многие другие («Неупиваемая чаша», «Мартын и Кинга», «Небывалый обед», «Богомолье», «Лето Господне», «Пути небесные»).

Очевидно, что их место в творчестве Бунина и Шмелева различно, однако хочется верить, что в соответствии с заповедями блаженства, вынесенными в начало статьи, каждый из них обретет свое место в Царствии небесном. Можно лишь надеяться, что вслед за Шмелевым, обретшим и свое земное упокоение в Донском монастыре, наследовать родину предков будет суждено и другим изгнанникам.

Примечания

*¹ Бунин И. А. Собр. Соч.: В 9-ти т. — М.: Художественная литература, 1965–1967. — Т. 6. — С. 15. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

*² Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Под редакцией Милицы Грин.: В 3 т. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981 — Т. 2. — С. 199.

*³ Письмо Ю. А. Кутыриной О. Н. Михайлову от 9 сентября 1959 года. Цит. По кн.: Шмелев И. Лето Господне. М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 22.

*⁴ Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. — С. 198.

*⁵ Там же. — С. 199.

*⁶ Там же. — С. 28.

*⁷ Там же. — С. 28.

*⁸ Там же. — С. 29.

*⁹ Там же. — С. 139.

*¹⁰ Там же. — С. 140.

*¹¹ Там же. — С. 139.

*¹² Карташев А. Певец святой Руси. (Памяти И. С. Шмелева). — «Возрождение», Париж: 1950, №10. — С. 157.

Summary

This article is about life and creation of two Russian writers — I. S. Shmelev and I. A. Bunin, considered from religious and philosophical positions. Creations of Russian writers were considered without orthodox method of approach to the literary analysis. Last time it became possible to do it in other way. World outlook of Bunin and Shmelev was formed in orthodox families. It had an effect on their creations. Absolutely complete images of mother showed in “Life of Arsenyev”, so the image of father showed in “Summer of God”. The most interesting analysis of Bunin's and Shmelev's creations were made by I. A. Ilyin in his work “About darkness and enlightenment”. But Ilyin contrast against them very seldom. But they were united one with another. There are some nearly images in creations of writers in spite of social positions and geographical locations. They are united by Russian Spirit.